

связности рассуждения; во всяком случае, связность мыслей автора ускользает от читателя со средними ресурсами памяти и внимания.

4. Из поля внимания автора почему-то ускользнули такие исследования в данной области, как работы Дж. Беркли, Э. Гуссерля, А. Гардинера, А. Черча, М. Крессуэлла, Дж. Лакоффа [8], Дж. Лайонза (особенно [9]) и даже Э. Бенвениста [10]. Во всяком случае, в библиографии к книге работ этих авторов я не нашел, а в тексте Гуссерль упоминается только по пересказу. При оперировании методом семиологической грамматики следовало бы учесть точки зрения указанных ученых.

Сказанное не снижает общего благоприятного впечатления от всей работы. Перед нами очень интересное, во многом новаторское исследование. Книга Д.И. Руденко доказывает (более того, существенно обогащает) положение, высказанное еще Б. Расселлом: познавая, как устроен язык, мы можем познать многое существенное о том, как устроен мир. Особый, личный вклад Д.И. Руденко можно было бы, на наш взгляд, охарактеризовать следующим образом: познавая, как лингвисты (а также философы, психологи и т.д.) меняли свои взгляды на язык — свои «парадигмы» (в частности, взгляды на «имя»), — мы можем познать многое относительно того, как устроены сам язык, наука о нем и мир вокруг него.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постовалова В.И., Шрейдер Ю.А. ВЯ. 1988. Рец. на кн.: Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства.
2. Степанов Ю.С., Демьянков В.З. Философия языка // Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 345—347.
3. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия // Беркли Дж. Соч. М., 1978.
4. Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd 2. Tl. 1: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. 2. Aufl. Halle/Saale, 1913. S. 59.
5. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 251—266.
6. Gardiner A. The theory of speech and language. Oxford, 1932.
7. Akinmaso F.N. On the syntax and semantics of nominal compounds in Yoruba personal names // Proc. of the Seventh Annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1981.
8. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization: Proc. of a Symposium on categorization and noun classification. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
9. Lyons J. Semantics. V. 1—2. Cambridge, 1977.
10. Бенвенист Э. Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Демьянков В.З.

Ehret Ch. Origin of the third consonants in Semitic roots: an internal reconstruction (applied to Arabic) // Journal of Afroasiatic languages. 1989. V. 2. № 2. August. 95 p.

Кристофер Эрет — профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, известный специалист по купитским языкам, компаративист (см. его работы [1, 2]).

В рассматриваемой работе К. Эрет обращается к одной из старейших проблем семитского исторического языкознания — к проблеме происхождения трехгласного семитского корня. Особенности строя семитских языков привлекают самое пристальное внимание специалистов по общему языкознанию, по структурной типологии языка. Несомненно, что появление новой работы под таким заглавием не может быть оставлено без внимания.

Уже около тысячи лет назад появились известные нам наблюдения арабских филологов, которые обнаружили, что в ряде трехгласных (и четырехгласных) корней выделяется общая двухгласная «ячейка» с единым значением. В

группе трехгласных корней это значение модифицируется за счет третьего согласного (или — за счет редупликации ячейки, дающей четырехгласный корень). На базе одной двухгласной ячейки подбирались гнездо трех- (и более) согласных корней общей семантики (см., например [3, с. 42; 4]).

В дальнейшем, с развитием сравнительно-исторического изучения семитских языков эти наблюдения послужили основой для выработки ряда гипотез о путях формирования семитского корня. Необходимо прежде всего упомянуть фундаментальный труд Н.В. Юшманова «Структура семитского корня», законченный в начале 40-х годов, который в настоящее время готовится к печати, см. также [5, 6]. Позднее разрабатывается гипотеза формирования структуры корня в афразийских языках. Последняя предполагает несколько путей развития общеафразийских корней: на двух-

согласной основе за счет присоединения древнейших лексико-грамматических элементов (комплементов), за счет консонантизации слогообразующих сонантов, занимавших преимущественно среднюю позицию между двумя корневыми согласными, за счет геминации второго корневого согласного [7; 8, с. 10; 9, с. 42—56; 10—13] (по комплементам в структуре афразийского корня готовится работа автора данной рецензии). В течение последнего столетия велись также исследования, затрагивающие проблему структуры семитского и афразийского корня в отдельных ее аспектах [14—25].

Новую работу К. Эрета и предлагаемую им гипотезу происхождения третьей согласной в семитском корне следует рассматривать с учетом всей совокупности упомянутых выше научных результатов.

Исходные установки автора заключаются в следующем: 1) от всех других афразийских языков семитские отличаются наиболее широким распространением корня трехсогласной структуры; 2) реконструкция протокушитского корнеслова свидетельствует о том, что большая часть двухсогласных протокушитских корней включала в качестве глагольного или именного суффикса третий согласный. Эти суффиксы представлены в реконструкции К. Эрета большим списком протокушитских фонем, модифицирующих значение первичного двухсогласного корня; 3) в семитских языках (особенно наглядно это проявляется в арабском) также выделяются группы трехсогласных корней, имеющих идентичную двухсогласную ячейку одного общего значения C_1C_2 , которое модифицируется дополнительным согласным в позиции C_3 ; 4) такие гнезда трехсогласных корней на основе внутренней реконструкции можно интерпретировать как результат расширения глагольных корней в «допротосемитский» (pre-Proto-Semitic) период за счет суффиксов, занимающих позицию C_3 .

Метод внутренней реконструкции применяется к арабским корням, подчеркнутым из арабско-английского словаря Ф. Стейнгаса [26]. На первом этапе автор группирует по вертикали трехсогласные корни, имеющие один и тот же согласный в позиции C_3 . По горизонтали к каждому трехсогласному корню помещается соответствующий двухсогласный корень с идентичными C_1C_2 (если таковой обнаружен в словаре) и сходного значения; далее — один или более трехсогласных корней с идентичными C_1C_2 , но отличным согласным в позиции C_3 . По сопоставлению вертикальных и горизонтальных корневых структур выделяется по вертикали общее модифицирующее значение каждого C_3 (с. 113—166, табл. 1—37). Например (с. 121, табл. 5): *šadʿu* «отвернуть(ся) от» — *šadd* «отвернуть(ся) от, повернуть(ся) к» — *šadʿ* «обернуться и направиться к» — *šadr* «вернуться (с водою)», где $C_3 = *y$ интерпретируется как «комплементив», обозначающий действие, совершаемое в противоположном направлении. Или (с. 123, табл. 7) в группе корней *ḡzz*, *ḡzʿ*, *ḡzr*, *ḡzf*, *ḡzʿ*, *ḡzl*, *ḡzm* «от-(раз-)резать» в позиции C_3 интерпретируются как: $*c$ — «сондератив», $*ʿ$ — «консисив» (с. 151, табл. 26), $*l$ — «финитив»

(с. 133, табл. 13), $*m$ — «фортатив» (с. 161, табл. 34) и т.д.

Каждому расширителю в позиции C_3 автор подбирает какое-либо дифференцирующее и модифицирующее грамматическое значение. Это по преимуществу характеристика степени, образа или направленности действия (с. 198—199): 1) $*d$ — показатель среднего залога (middle voice extension); 2) $*h$ — ампликатив (amplificative); 3—4) $*w$, y — инхотатив или деноминатив; 5) $*y$ — комплементив (complementive), т.е. обозначает взаимно- или разнонаправленное действие; 6) $*k$ — андатив (andative), т.е. направленность действия по отношению к другому действию; 7) $*c$ — сондератив (sunderative) — отторжение части от объекта действия; 8) $*l$ — венитив (venitive) — направленность действия субъекта к себе; 9) $*z$ — фокатив (focative) — действие сконцентрировано в ограниченном пространстве или точке; 10—11) $*t$, $*r$ — диффузив (diffusive) — рассеянное или нерегулярное действие; 12—13) $*k$, $*l$ — финитив (finitive) — ограниченность основного действия от другого; 14—15) $*b$, $*g$ — финитив фортатив (fortative) — то же в усиленной степени; 16—17) $*c$, $*n$ (non-finitive) — значение, обратное предыдущему; 18—19) $*b$, $*z$ — экстендатив (extendative) — длительное действие, затяжное по результату; 20—21) $*p$, $*h$ — итератив; 22—25) $*g$, $*k$, $*d$, $*t$ — дуратив; 26) $*ʿ$ — консисив (copcissive) — более короткое действие, чем действие, переданное двухсогласным глаголом, с определенной направленностью; 27) $*x$ — пресипитив (precipitive) — внезапность начала действия; 28—29) $*p$, $*z$ — интенсив образа действия; 30—31) $*y$, $*k$ — интенсив результата действия; 32) $*t$ — дуратив-интенсив; 33—34) $*s$, $*m$ — фортатив (fortative) — степень действия слабее интенсива; 35—36) $*d$, $*x$ — экстендатив фортатив (extendative fortative) — степень действия более интенсивна, чем в №№ 18, 19; 37) $*s$ — каузатив. Дополнительно отмечаются как именные девербативы такие суффиксы, как $*w$, $*y$, $*r$, $*l$, $*n$, $*m$, $*t$ (с. 199). Автор предполагает, что случаи употребления нескольких различных согласных в одной и той же функции (например, $*k$, $*l$ — финитив, или $*g$, $*d$ — дуратив) обусловлены позиционно, определенным консонантным окружением. Напротив, полифункциональность некоторых согласных может быть связана с тем, что они восходят к различным протофонам (например, к исчезнувшему лабализованному ряду и т.п.), слившимся в одну фонему уже в прасемитском (с. 112, 201—202).

Второй этап внутренней реконструкции заключается в сопоставлении трехсогласных корней, имеющих идентичные C_1C_2 , но различающихся согласным в позиции C_3 . В результате еще раз устанавливается дифференцирующее значение C_3 , производится его отделение от трехсогласного корня и реконструкция первичного двухсогласного корня с исходным значением, общим для всего гнезда. Например (с. 178—179, № 42): *qaṣṣ* — «отрезать, обрезать, стричь», редупл. *qaṣṣaṣ* — «подстричь» (фреквентатив), *qṣb* — «от-(резать)», где $*b$ — экстендатив; *qaṣr* — «быть коротким», где $*r$ — модифицирующий суффикс; *qaṣf* — «ломать», где

*р — интенсив образа действия; *qaš* «раздавить вошь», где * — сондератив; *qašl* «срезать», где *l — финитив; *qašt* — «ломать, разрушать», где *t — именной суффикс отыменного глагола; *qaštal* — «ломать, отрезать», где *t — «именной суффикс или форматив, *l — финитив. Реконструируется *kš «стричь, обрезать».

Результатом второго этапа является реконструкция 112 двухсогласных корней (с. 167—185, табл. 38; с. 187—198, табл. 39). Полисемия реконструированных прасемитских двухсогласных корней (с. 187—198, табл. 39) могла оказаться следствием утраты системы оппозиции корневого вокализма и просодических способов (тоновой системы и т.п.), которые в общепрафразийскую эпоху участвовали в различении одинакового консонантного состава (с. 186—187).

Все результаты реконструкции К. Эрэт относит к «допротосемитскому (pre-Proto-Semitic) периоду, когда суффиксальный способ образования трехсогласных корней был продуктивным и регулярным (с. 112). Большая временная протяженность эволюции обусловила определенные сдвиги во многих значениях. Для некоторых реконструированных прасемитских суффиксов автор приводит соответствия *b, *t, *y, *d, *ḍ из кушитских языков (с. 191, 199). По мнению автора, результаты реконструкции могут свидетельствовать о том, что на ранней стадии эволюции афразийской семьи все или почти все праафразийские согласные развили способность функционировать как глагольные расширители (verb extensions), регулярно модифицируя значение простого двухсогласного корня (с. 201). В кушитских и чадских многие из этих расширителей утратили регулярный и продуктивный характер, некоторая часть вторичных корней лексикализовалась и такие корни рассматриваются как самостоятельные. Напротив, в египетском, берберских и семитских языках глагольные расширители сохраняли свою продуктивность и регулярность значительно дольше, что привело в итоге к образованию в словаре значительной доли лексикализованных расширенных трехсогласных корней. Наиболее последовательно этот процесс шел в семитских языках, которые в результате характеризуются системой трехсогласных глагольных корней.

Таким образом, данная работа представляет еще одну попытку объяснить исторически структурные и семантические особенности семитского корня. Новый подход заключается в том, что эта проблема решается на основе сравнения с системой морфологических показателей кушитских языков. Особенность этой ветви языков заключается в том, что все реконструируемые показатели находятся в постпозиции к корню (или основе) глагола или имени, т.е. выступают как суффиксы. Совершенно очевидно, что такой, например, семитский корень, как *ls «язык; есть; лизать», имеет в арабском целый ряд вторичных форм: *lss, lws, lsm, lsn, lsw, lsb, lsd, lṣ* (а также *lhs, lhs*; диал. *hls*); ср. также *liṭ «десна, рот, губы; лакать» (см. также [6, с. 184] и вопросы реконструкции [9, с. 45]). Появление разных согласных в качестве дополнительного третьего требует объяснения как с точки зрения своего материального выражения, так и с точки зрения позиции по отношению к

исходным корневым согласным. Обращение к сравнительному материалу суффиксальных морфем некоторых афразийских языков является необходимым шагом в этом направлении.

Однако именно в ориентации только на кушитскую морфологию кроется, по-видимому, слабое звено в стройной цепи авторских построений и реконструкций.

К. Эрэт исходит из того, что дополнительный согласный в арабском корне занимает позицию только C₃, т.е. — позицию третьего согласного. Вместе с тем сравнительный анализ арабских, семитских, и шире — афразийских, корней свидетельствует о том, что дополнительный согласный (комplement) может также занимать позицию C₁, а в ряде случаев — и позицию C₂, т.е. среднюю позицию по отношению к двум древнейшим корневым. Так, например, ряд C₁ = /h/s/ʒ/w/y и m/n/t/h как ряд дополнительных согласных в первой позиции подтверждается на сравнительном материале семитских и афразийских языков; C₃ = b/m/n/i/s/ʒ — в последней позиции. При этом C₂ = /h/hʕ/, а также сонорные согласные могут выступать в средней позиции как «фонетические расширители» (термин мой. — Б.А.) двухсогласного корня [13—21, 23]. Указанные позиции дополнительного согласного по отношению к исходным корневым необходимо принимать во внимание при любом разложении трехсогласных корней. Именно в связи с этим условием ряд примеров, приводимых автором рецензируемой работы, может быть пересмотрен и потому дать другие результаты. Ср., например, корень *hrd* (с. 113, табл. 1), который разлагается как *hr-d*, где -ḍ интерпретируется как «расширитель среднего залога» — «разорвать ткань, одежду». Однако в арабском имеется соответствующий двухсогласный корень (геминированный) «разбить, разломать на части» *rḍḍ*, который и может быть интерпретирован как рефлекс исходного *rḍ. С другой стороны, наличие в арабском четырех фонетических вариантов с одним значением *hrd/hrḍ/hrt/hṛt* «разорвать одежду, ткань» может быть интерпретировано как отражение фонетических диалектных вариантов одного исходного трехсогласного корня, но отнюдь не как суффиксальные формы от корня *hṛ. Или, например, общее значение «увеличиваться в размере» приписывается корню *wr (с. 122, табл. 6), от него приводится как производная суффиксальная форма *wrq* «покрываться листвою, давать ветви», где C₃ = *q̣ интерпретируется как показатель «андатива». Однако корень *wrq* входит в другой ряд: *akwad, arq-u*, зап.-сем. *urq* «зеленый», араб. *waraq* — «листья, листва», *riqq* — «молодые ветви дерева», где постоянной частью оказывается ячейка *rq̣.

Исходя из глагольной морфологии, автор анализирует только глагольные корни, оставляя в стороне многие именны́е трехсогласные корни, в большинстве из которых также выделяются третьи дополнительные согласные в различных позициях и различного происхождения [5; 7, с. 57—58]. Некоторые глаголы, приведенные в данной работе, являются деноминативными от исковых имен, которые могли иметь свои комплементы (показатели класса частей тела, живых существ и т.п.). При образовании деноминатив-

ного глагола значение именного компонента уже не может быть включено в систему глагольных суффиксов, характеризующих качество или количество, направление и т.п. действия. Так, корень *baṭn-* (с. 141, табл. 17) «входить, проникать внутрь чего-л.» включается автором в ряд *baṭt/bṭr* «врезать, разрезать», где *n — non-finitive, *r — диффузив. Однако в этом ряду произвольно объединены два семитских и афразийских корня различного происхождения: **baṭ-n* «живот, утроба» [27, 1, № 57] и **bat/baṭ* «отрезать; разделять» [27, 1, № 55, № 56]. Корень *lḥm* «грызть кость» (с. 162, табл. 34), где -m приписано значение «фортатива», связан с именным корнем *laḥm-* «мясо». В ряду *lḥt/lḥb* (с. 159, табл. 32) корень *lḥb* входит не в гнездо значений «глотать», но в гнездо именных значений, ср.: *lḥb* «гореть, пылать»; *lahab-* «пламя», *luḥbat-* «сжигающая жажда» и т.п.

При подаче арабского материала за исходную форму принимается имя действия. Это ведет к тому, что за пределами внимания остается возможная обусловленность грамматического значения конкретной глагольной основы гласным личной основы имперфекта/перфекта, например, *a/i*, *a/u* передают значение состояния, переходящего качества, переходности/непереходности и т.п. В таких случаях третьему согласному грамматическое значение может приписываться достаточно произвольно. Таковы, например, основы *wamah-/wamad-* «быть очень горячим, знойным» (с. 115, табл. 2), где значение качества, состояние задается не согласным *ṣ*, но гласным личной глагольной формы; то же можно сказать об основах *māḍ, nāḍ* (с. 113, табл. 1), *kmh* (с. 114, табл. 2) и др.

Автор работы исходит из убеждения, что все трехсогласные семитские корни могут быть возведены к протосемитским двухсогласным (с. 201, п. 7). В ряде случаев это убеждение приводит его к произвольному членению арабских корней и к отделению от них исконных корневых согласных. Вместе с тем исследования С. Майзеля и А. Милитарева [6], открывшие явления аллотезы—метатезы в семитских языках, могут свидетельствовать в пользу существования и трехсогласных корней в протосемитском. Более глубокая реконструкция афразийских корней [27] и связанные с ней отдельные исследования [27, 2, № 4, 140, 141; 3, № 7, 23, 80, 81; с. 47—48, 63—75] также свидетельствуют о существовании трехсогласных корней и в афразийском. Ср. также особое мнение по этому вопросу Р. Фогта [25].

Следует еще подчеркнуть, что для реконструкции двухсогласных корней и дополнительного согласного в прасемитском внутренняя реконструкция, ограниченная арабским материалом, недостаточна, так как «трехсогласная морфология» характерна для всех семитских языков и, соответственно, трехсогласные корни должны иметь свои соответствия в других семитских. С другой стороны, многие трехсогласные корни отмечены только в арабском и не имеют соответствий в других семитских языках. В таком случае возникает вопрос о происхождении собственно арабских трехсогласных корней и дополнительного согласного в арабском.

При анализе трехсогласных арабских корней и

отделении дополнительного согласного следует также учитывать тот факт, что арабская лексикография (а вслед за ней и западная) включает в словари в качестве самостоятельных корни с фонетическими вариантами, характерными для различных арабских диалектов, а также заимствованные из других семитских языков. К фонетическим диалектным вариантам можно, например, отнести такие, как *ḡz/ḡz'* (с. 123, табл. 7) «отрезать, отделить» или *ḥri/ḥri'* (с. 127, табл. 10) «пахать, проводить борозды», где *i < i'*, также *d/i* (с. 159, табл. 32) и мн. др. Указанные явления были известны еще древним арабским филологам, которые их подробно отмечали и описывали. В виду этих особенностей арабского лексикографического корнеслова многие фонемы в позиции *Ṣ* могут быть пересмотрены и иначе интерпретированы.

Достоин внимания исследователя в этой области было бы также и следующее наблюдение, сделанное предшественниками: некоторые ячейки типа *nt-/qt-/nf-/ft-* оказываются носителями более общего грамматического значения, нежели дифференцирующий их третий согласный [3, с. 42].

Ниже предлагаем примеры анализа и разложения арабских корней, противоположные анализу и разложению, предложенным автором рецензируемой работы: с. 115, табл. 2, где *Ṣ* = *h*, интерпретируется как «амплификатив»; соответственно приведенные глаголы разлагаются как: **nz-h* «отогнать верблюдов от водопоя» с вариантами *nz-* «удалять, уносить», *nz-w* «нападать, набрасываться на». Наше разложение: **n-zh*, так как имеется родственный корень *zhw* «отправиться на пастбище, напившись воды (о верблюдах)». Ср. с. 121, табл. 5, где *Ṣ* = *γ* интерпретируется как «комплетив», соответственно приведенные глаголы разлагаются как: **wz-γ* «быстрота, живость» с вариантами *wziw, wzf, wzḳ* < **wz* «идти быстро». Наше разложение корня *wzf: w-zf*, ср. *zff/zuf/zf* «идти быстро»; корня *wzḳ: w-zk*, ср. *zkk* «идти быстро» (точнее «семенить»). Ср. также с. 146, табл. 20, где *Ṣ* = *f* интерпретируется как «итератив», соответственно разлагается корень *nif* «капать, литься» как: **ni-f* с вариантом *ni-i* «давить, выжимать (вино)». Ср., однако, в арабском варианты *if-h/h-if/w-if* «переливаться через край, капать», все из афразийского **ivf* «переливаться через край, капать» [26, ч. 2, № 83]. В то же время вариант *ni!* разлагается как *n-i!*; ср. в арабском также *ill/h-ill/il-i* «увлажнять, лить», все из афразийского **il* «роса, влага» [27, 2, № 98]; такие примеры можно было бы продолжить по многим разделам книги. Следует отметить также, что при анализе корней со «слабыми» согласными в любой позиции следует учитывать фонетический, но отнюдь не грамматический характер их чередований: *ʾw/u*.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что К. Эрет в своем исследовании выделил значительный список двухсогласных корней с очевидными постпозиционными форматами вербального или номинативного происхождения. Многие из них могут быть подтверждены материалом других семитских языков, а также афразийских. Подозрительное однообразие значений реконструированных автором различных

двухсложных корней, представленных глаголами движения и переходного действия, находит аналогию и при реконструкции афразийского корнеслова. Гипотеза автора, согласно которой полисемантические реконструированные корни и расширители (комплементы) различались в прошлом вокализмом и другими просодическими способами [с. 186], может быть поддержана гипотезой о вокализме и тональных системах, которые могли различать реконструированные омофонные афразийские корни и входили в состав корня [8, с. 10—11]. Автор справедливо отмечает также, что «сохранившиеся двухсложные глаголы под давлением сложившейся системы трехсложной морфо-

логии» превращаются в геминированные $C_1C_2C_2$. Однако эти явления в арабском, южноаравийских эпиграфических и эфиосемитских языках распространяются шире: охватывают корни с первоначальным долгим корневым гласным, с долгим конечным корневым гласным, а также — те двухсложные именные корни, производные формы которых на основе внутренней флексии вынуждают основу к трехсложности [28].

В целом данная работа представляет еще один возможный подход к старой, но всегда актуальной проблеме структурной типологии семитских языков и ее исторической интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ehret Ch. The historical reconstruction of Southern Cushitic phonology and vocabulary. В., 1980.
2. Ehret Ch. Proto-Cushitic reconstruction // Sprache und Geschichte in Afrika. 1987. 8.
3. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М., 1985.
4. Габучан Г.М. К вопросу об арабских грамматических учениях // Семитские языки. М., 1963, С. 39—40.
5. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изображен в своих истоках? М., 1965.
6. Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков / Под ред. и с предисл. Милитарева А.Ю. М., 1983.
7. Diakonoff I.M. Problems of root-structure in Proto-Semitic // АО. 1970. V. 38. 4.
8. Дьяконов И.М., Милитарев А.Ю., Порхомовский В.Я., Столбова О.В. Общеафразийская фонологическая система // Африканское историческое языкознание. М., 1987.
9. Diakonoff I.M. Afrasian languages. М., 1988.
10. Petráček K. Sur le rôle des modalités sonantiques dans l'élaboration de la racine en sémitique // Arabica. 1987. T. XXXIX.
11. Petráček K. Nochmals über die Struktur der Wurzeln mit den Pharyngalen im Altägyptischen und Semitischen und ihre Inkompatibilität // Current issues in linguistic theory. 1988. 58.
12. Zemánek P. The importance of doublets for diachronic study of languages. The case of Arabic // Asian and African linguistic Studies. III: Studia orientalia Pragensia. Praha, 1988.
13. Bělova A.G. La structure de la racine afroasiatique. Le cas d'extension phonétique // In honor of the 70-th birthday anniversary of prof. Hans Mukarovsky. Wien, 1992.
14. Ružička R. Ein Fall des kausativen s-Präfixes im Arabischen // Orientalische Literaturzeitung. 1923. 26.
15. Hess J.J. Über das präfigierte und infigierte 'ain im Arabischen // Z. für Semitistik. 1924. 2.
16. Ružička R. Un cas de préfixe verbal 'ain-ghain en arabe // JA. 1935. 227.
17. Vycichl W. Über ein ha-Präfix im Arabischen // Wiener Z. für die Kunde des Morgenlandes. 1936. Bd 43.
18. Leslau W. Über das ha-Präfix im Arabischen // Wiener Z. für die Kunde des Morgenlandes. 1937. Bd 44.
19. Vycichl W. Nochmals das arabische ha-Präfix // Wiener Z. für die Kunde des Morgenlandes. 1939. Bd. 46.
20. Soden W. von. n als Wurzelaugment im Semitischen // Studia Orientalia. In memoriam C. Brockelmann. Halle, 1968.
21. Zaborski A. Biconsonantal verbal roots in Semitic // Zesz. nauk. Univ. Jagellonskiego. CCLXIX: Prace jazykozawczce. 1971. 35.
22. Diem W. Wie war die ursprüngliche Bildung der Verba und Nomina tertiae infirmae im Semitischen? // XIX. Deutscher Orientalistentag. Wiesbaden, 1977.
23. Conti G. Studi sul bilitterismo in Semitico e in Egiziano. I: Il tema verbale N-1212. Firenze, 1980.
24. Белова А.Г. Структура корня в древнеегипетском и семитских языках // Languages of the Middle East and Africa. Warszawa, 1987.
25. Voigt R.M. Die infirmen Verbaltypen des Arabischen und das Biradicalismus-Problem. Mainz, 1988.
26. Steingass F. Arabic-English dictionary. New Delhi, 1978 (1-е изд. — 1884).
27. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 1—3 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1981—1986.
28. Белова А.Г. Структура семитского корня и семитская морфологическая система // ВЯ. 1991. № 1.

Белова А.Г.